

политика

С.И.Каспэ

ПУСТОЕ МЕСТО: ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА

Неустойчивый мир был устойчив, вращаясь вокруг
Неизбывного центра молчащего Слова.

*Томас Стернз Элиот. Пепельная среда
(пер. Алексея Бургега)*

Ключевые слова: демократия, политическая форма, политическое зло, автономный субъект, политические партии, разделение властей

Понятие демократии сейчас расплывается, утрачивает сколь-нибудь ясные очертания. То же происходит и с демократической реальностью: она трансформируется и деформируется, иногда — до неузнаваемости, нередко — пугающим образом. Голоса, констатирующие такое положение дел (и оценивающие его в не слишком широком диапазоне — от кризисного до катастрофического), сливаются в мощный хор¹.

Ничего нового тут нет. Демократия как сущностно оспариваемый² и именно поэтому растяжимый концепт³ (и проект) обречена почти постоянно присутствовать на собственных похоронах, выслушивать прощальные панегирики и проклятия — с пропорцией, как правило, смещенной в сторону проклятий. В цикле, который демократия проживает в течение нескольких последних столетий, периоды хотя бы ограниченного консенсуса относительно содержания демократического концепта (и хотя бы сдержанного оптимизма относительно будущего демократического проекта) весьма кратки; гораздо дольше длятся фазы критики, утраченных иллюзий и горького рессентимента. И все-таки цикл раз за разом возобновляется. Уж насколько убедительными казались пророчества Джека Лондона о «Железной пяте» или Джорджа Оруэлла о «сапоге, топчущем лицо человека — вечно», — но они не сбылись. Уж насколько маловероятными выглядели победы демократических альянсов в трех, считая «холодную», мировых войнах — а они состоялись.

NB! При всех очевидных оговорках — прежде всего такой, как участие в антигитлеровской коалиции сталинского СССР и его решающая роль в победе над нацизмом, или таких менее существенных, как присутствие совершенно недемократической Японии в антигерманском блоке 1914—1918 гг. и многочисленных прозападных диктаторских режимов в антисоветском лагере второй половины XX в., — фактом остается то, что США, Великобритания, Франция (то есть страны, в которых современная демократия, собственно,

¹ Выборочно из недавнего: Демократии 2015; Розанваллон 2015; Хёффе 2015; Магун 2016. Причем критерием выбора именно этих голосов послужило прежде всего присутствие в них хоть каких-то нот, кроме прямо похоронных. Присутствие пусть хрупкой, но надежды.

² Gallie 1956.

³ О «концептных натяжках» см. Сартори 2003.

и родилась) по итогам всех этих конфликтов неизменно оказывались в числе победителей и никогда — в числе побежденных.

Одно это требует и в нынешние трудные времена (бывали, впрочем, и потруднее) сохранять трезвость рассудка и отвечать могильщикам демократии так же, как отвечали им раньше. То есть — снова искать, определять и переопределять ее суть, ее неуничтожимый остаток, присутствующий во всех ее моделях⁴, сохраняющийся при любых ситуативных трансформациях и деформациях. И не принимать очередные модификации оболочки за непоправимую порчу ядра.

⁴ *О моделях демократии см. классический труд Дэвида Хелда: Хелд 2014.*

Этот неуничтожимый остаток существует. Хотя бы потому, что на уровне непосредственного восприятия и повседневного опыта всегда понятно, какой режим может быть без оскорбления здравого смысла назван демократическим (что совсем не значит совершенным), а какой — нет. Причем это понятно не только сознательным апологетами демократии и не только обывателям, вкушающим ее плоды или их лишенным, но и тем, кто демократию отвергает, кто противопоставляет ей более совершенные способы организации политической жизни (абсолютную монархию, православное царство, корпоративное государство, диктатуру, джамахирию, халифат etc.). Их критические стрелы и реальные выстрелы направлены именно в демократию *as is* и *per se*; в прицеле их оптики она особенно хорошо различима. Впрочем, и те, кто менее прямолинеен, кто оперирует полемическими формулами вида «Вот она, хваленая демократия!», «Чего она стоит, ваша демократия?», «Да разве это демократия?!», «Так где же истинная демократия?» и почему-то никак не может без них обходиться, своими уловками тоже свидетельствуют, что слово это не мертво. Как не мертвы и именующиеся им политики.

Необходимо пояснить: безусловно, я признаю существование множества промежуточных, переходных, вырожденных и гибридных политических состояний, располагающихся где-то между демократией и, выражаясь апофатически, не-демократией. Однако я склонен — по крайней мере, в целях поиска упомянутого неуничтожимого остатка демократии — считать этот концепт скорее дихотомическим, «сортальным» (sortal), чем градационным, «шкальным» (scale). Или, еще точнее, я, соглашаясь с Джованни Сартори и Адамом Пшеворским (и не соглашаясь с Кеннетом Болленом и Робертом Джекмэном), солидаризируюсь с тем мнением, что «шкальный подход», при верном — то есть ограниченном — употреблении вполне продуктивный, применим «только к тем странам, которые уже классифицированы как демократии»⁵. По основаниям качества, а не количества. Но что это за качество?

⁵ *Бернхаген 2015: 75. В написанной Патриком Бернхагеном третьей главе монументального коллективного труда «Демократизация» дан образцовый в своей емкости и точности обзор этой дискуссии.*

Я полагаю, что неуничтожимый остаток демократии лучше всего можно обнаружить и определить, рассматривая ее как специфическую политическую форму. Политическая же форма есть та «интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти, которая в определенных условиях места и времени,

⁶ Каспэ 2012б: 13. См. также нашу с Михаилом Ильиным полемику на этот счет, которая для меня оказалась чрезвычайно вдохновляющей и за возможность которой я вновь приношу коллеге Ильину свою искреннюю благодарность (Ильин 2014, 2015; Каспэ 2015а). В частности, из этой полемики ясно, почему я специально настаиваю на особом значении именно пространственных метафор.

⁷ Лакофф, Джонсон 2004: 25. Применение этого постулата к реальности социальной и политической см. Каспэ 2007: 23—44; Филиппов 2008: 167—194 (параграф «Метафорика социального пространства»).

⁸ Бенвенист 1995: 287.

для определенной политики (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *дескриптивную*, *аскриптивную* и *прескриптивную*⁶. Такая композиция *описывает* строение политики как систему координат любых действий, предпринимаемых акторами в ее рамках, *приписывает* те или иные свойства самой политике (ее онтологии, а не дискурсивному произволу акторов) и *предписывает* актерам определенный образ и состав действий, оказывая на них прямое или косвенное дисциплинирующее влияние.

Так что же, величественный образ демократии, на алтарь которой положено столько жизней, всего лишь *метафора*? Да, конечно; и тут нет ничего уничижительного. Метафора (или, в самом общем виде, перенос смысла) представляет собой базовый способ человеческого восприятия, описания и упорядочивания реальности. Мы, по точному названию знаменитой книги Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, «живем метафорами»: «Концепты, которые управляют нашим мышлением, — не просто порождения ума <...> Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни. Если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система в значительной степени метафорична, тогда то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре»⁷. Все ключевые политические понятия более или менее явно метафоричны; «демократия» метафорична более чем явно. Ведь почти никто и почти никогда не предлагал прочитывать «демократию» буквально, как действительный *кратос демоса*, как подлинную власть народа — хотя бы потому, что при буквальном прочтении решительно непонятно, над кем, собственно, народ как целокупность граждан властвует (за вычетом животных, рабов, чужестранцев и детей), кто остается за пределами этой целокупности и покоряется ей. А кто-то должен там быть; *кратос* — не просто власть, но власть как возобладание, власть как одоление Другого, причем даже не обязательно врага: «Κράτος... повсюду обозначает превосходство, утверждаемое силой, над соратниками или над противниками... Других определений не бывает»⁸.

Предположим, что учредительный, устанавливающий акт демократии и в самом деле состоял в победе «народа» (что бы это слово ни значило) над его врагами — как правило, исторически так оно и бывает. Но дальше-то, когда демократия переходит в режим продолжающегося, рутинного существования, откуда берутся «враги народа»? Неужели из самого же народа-победителя? И как они в нем самозарождаются (или тут не обходится без «иностранцев агентов»)? И неужто их перманентное обнаружение и обезвреживание является необходимым условием воспроизводства самой демократии? Артемий Магун хорошо резюмировал направленные в эту же сторону размышления Александра Кожева из «Введения в чтение Гегеля»: «В эпоху новой демократии все как бы стали господами, но где же тогда слуги, и за чей счет эти господа

⁹ Магун 2016: 128.

приобретают свою гордую осанку?»⁹. Тут вроде как парадокс, приводящий на ум бессмертные строки Дмитрия Александровича Пригова:

Народ он делится на не народ
И на народ в буквальном смысле
Кто не народ — не то чтобы урод
Но он ублюдок в высшем смысле

А кто народ — не то чтобы народ
Но он народа выраженье
Что не укажешь точно — вот народ
Но скажешь точно — есть народ. И точка

Парадокс, конечно, мнимый. Во-первых, хотя с демократиями время от времени и случаются судороги, ввергающие их в маниакальный поиск «врагов народа» (вроде антидрейфусарства или маккартизма), но эти состояния довольно быстро проходят, а posteriori признаваясь во все не сущностным свойством демократии, а, наоборот, извращением ее сущности. По-настоящему необходимым инструментом легитимации отношений господства и подчинения, «образования и распределения власти»¹⁰ выявление и экстерминация «врагов народа» (Volksschädlingen, i nemici del popolo) становятся только в режимах недемократических и контрдемократических¹¹. Во-вторых, в том-то и дело, что в демократиях властвует не самотождественный народ, а именно, по точному слову стихотворца, «народа выраженье». В отношении античной демократии еще можно спорить, была ли она подлинным прямым народовластием, — прежде всего потому, что мы в действительности очень мало знаем о том, как она на самом деле функционировала и воспринималась современниками (вплоть до того, что некоторые специалисты подозревают, будто в свое изложение знаменитой речи Перикла о достоинствах афинян, которую принято считать едва ли не самым страстным гимном демократии, Фукидид «вложил изрядную долю иронии»¹²). В отношении представительной демократии Нового времени сомнений нет — с самого начала она основывалась на решительном переносе смысла с «народа» на репрезентирующих «народ» представителей¹³. Великолепным примером такого переноса служит американская Конституция, которая открывается гордыми словами «We the people...» и завершается... 39 подписями. Буквалистская логика требует считать этот недлинный перечень имен закрытым списком членов «народа» (хотя бы по состоянию на 17 сентября 1787 г.), что, разумеется, нелепо. Еще одна впечатляющая иллюстрация того же тезиса — сакраментальная юридическая формула «Народ против...» («The People versus...»), провозглашаемая в судах некоторых демократических политий отнюдь не народом in propria persona (где же отыскать такую персону?), а просто-напросто прокурором.

Так как же устроена эта метафора и эта форма? Какова базовая топология демократии? Ее количественные, метрические параметры

¹⁰ «Shaping and sharing of power» (Lasswell, Kaplan 1950: XIV).

¹¹ См. 7-й из 14 признаков «вечного фашизма» по Умберто Эко (Есо 1995).

¹² Магун 2016: 57.

¹³ Тема политической репрезентации слишком обширна, чтобы здесь можно было дать ее хотя бы краткий обзор. Введением в тему способны послужить такие труды, как: Schattschneider 1960; Pitkin 1967; Pennock, Charman (eds.) 1968; Ямпольский 2004; Rehfeld 2005, 2006; Манен 2008; Shapiro, Stokes, Wood, Kirshner (eds.) 2009; Магун 2011: 218—230; Alonso, Keane, Merkel (eds.) 2011; Анкерсмит 2014: 36—85.

меняются; что же остается неизменным идентифицирующим признаком? Репертуар образов, в том числе образов пространственных, при помощи которых люди пытались и пытаются изъяснить самую суть демократии, конечно, необозрим. Однако среди них — большей частью довольно прозрачных, вроде «бушующей стихии» или «политического рынка», — регулярно встречается один довольно энигматический. «Пустой центр».

Чаще всего упоминания о пустом центре в контексте дебатов о демократии сопровождаются ссылками на Клода Лефора. Да, Лефор усматривает «революционный и беспрецедентный характер демократии» в том, что «место власти становится *пустым местом* <...> пустое, незанятое, так что никакой индивид и никакая группа не могут ему быть консубстанциальны, место власти оказывается необозначенным»¹⁴. И вновь, уже в другой части «Политических очерков»: «...из всех известных нам режимов в ней одной представление о власти устроено таким образом, что власть свидетельствует о *пустом месте*»¹⁵. Та же мысль повторена в «Политических формах современного общества»: «Образ народного суверенитета связан с образом пустого места, которое никто не может занять»¹⁶. Увы, это впечатляющее утверждение Лефор сопровождал лишь минимальными разъяснениями (среди которых, впрочем, есть заслуживающие внимания — оно еще будет им уделено) и, главное, не сопроводил даже минимальными обоснованиями. Поэтому цитируются эти его *пассажи* чаще всего *en passant*, походя, ритуально. Что досадно.

Франклин Анкерсмит обнаруживает мысль о конститутивности пустоты центра для демократии еще у Алексиса де Токвиля — не без некоторых натяжек, но в целом убедительно, даже несмотря на странное игнорирование двух самых прямых токвилевских высказываний на этот счет. Игнорировать их не стоит, вот они: «в Соединенных Штатах нет общего центра, в котором все должно неизбежно сводиться воедино»¹⁷; «в Соединенных Штатах нет столицы: свет, в смысле власть, рассеян по всей огромной стране; лучи человеческого разума вместо того, чтобы исходить из единого центра, отовсюду сходятся туда и там перекрещиваются»¹⁸. Эта маленькая претензия призвана не дезавуировать, а укрепить суммирующее заявление Анкерсмита относительно образа пустого центра у Токвиля: «Токвиль хочет сказать, что центр и основание общих принципов существуют лишь в той мере, в какой они позволяют демократии и демократическому общественному мнению вращаться вокруг этого центра, никогда не совпадая в точности с самим этим центром. Следовательно, в демократии действительно существует центр, который удерживает ее единство и не допускает анархии и полного распада, но этот центр может правильно выполнять эту функцию, лишь поскольку сам он остается неактивным или, так сказать, „пустым“ центром в том смысле, который мы обсуждали в пятой главе»¹⁹. Недоумение вызывает то, что в упомянутой пятой главе «Эстетической политики» пустой центр представлен исключительно как характеристи-

¹⁴ Лефор 2000: 26.

¹⁵ Там же: 285.

¹⁶ Lefort 1986: 279.

¹⁷ Токвиль 2000: 137.

¹⁸ Там же: 151.

¹⁹ Анкерсмит 2014: 360.

²⁰ Барт 2004.

²¹ Анкерсмит 2014: 340.

²² Пример, вы-
бранный почти
наугад: «Западное
пространство
уницентрично, то
есть организовано
одним центром,
от которого все
исходит и кото-
рым измеряется
и по отношению
к которому не-
гативным образом
определяется
периферия. На-
против, восточное
пространство
полицентрично»
(Strassoldo 1980:
35).

²³ Рансьер 2006: 34.

²⁴ Там же: 36.

²⁵ Там же: 37.

²⁶ Там же: 42.

²⁷ Салмин 2008.

²⁸ Ямпольский
2004: 374.

²⁹ Starobinsky 1979:
56–57.

³⁰ Ямпольский
2004: 395.

ческая черта японской культуры вообще и синтоизма в частности (разумеется, с почтительной ссылкой на знаменитое эссе Ролана Барта²⁰) и жестко противопоставлен столь же характеристическому для Запада «точно определенному центру, будь то Бог, заместитель Бога на земле, абсолютный монарх, народ или, если брать конституционную практику, та точка, в которой встречаются парламент и правительство»²¹. Тут уж ничего нельзя понять. То ли в демократии (или только в Америке?) есть нечто *naturaliter* японское; то ли в Японии есть нечто *naturaliter* демократическое (или американское?); то ли нет никакой разницы, по крайней мере в плане конституции и статуса центра, между любыми известными состояниями и разновидностями западной культуры, и все они купно могут быть противоположены культуре японской? И как в эту бинарную модель вписываются многочисленные незападные и вместе с тем неазиатские культуры? Например, исламская? Подобные сопоставления «Запада вообще» (столь собирательный объект до такой степени спекулятивен, что даже не интеллигибилен) с чем-то западным (будь то Япония, Китай или столь же собирательный «Восток вообще») давно и регулярно встречаются в социокультурных исследованиях²². Чуть менее давно они стали считаться признаком *mauvais ton*.

О пустом центре демократии упоминали и другие. Так, Жак Рансьер, обнаруживая в аристотелевской «Политике» «интуицию будущего», «подлинного будущего демократии»²³, считает, что демократическое политическое обязано организовать «собственное вычитание, устранив образ центра и воображаемые напряжения, направленные к нему и от него»²⁴. «Совершенство достигается тем, что отходят от центра, оставляя его. Необходимо, чтобы граждане находились далеко от центра своего суверенитета»²⁵. Интересно, что и у Рансьера где-то рядом брезжит токвилевское видение демократии: «Разве Токвиль в „Демократии в Америке“ предлагает нам что-то иное, нежели длительное размышление об актуальности Аристотеля?»²⁶. Неожиданный и хороший вопрос. То есть я (опираясь на тонкие суждения о Токвиле, оставленные Алексеем Салминым²⁷) ответил бы на него скорее утвердительно — еще как предлагает, и что-то не просто иное, но много большее. Однако вопрос хороший.

Так, взгляду Михаила Ямпольского открывается порожденная кризисом традиционных для Ancien Régime механизмов и сценариев репрезентации и разверзающаяся в результате его краха «пустота, *ничто* в центре социального пространства». Оттуда исходит «тревожащий оттенок негативности, зияния, неопределенности»²⁸. Ямпольский развивает размышления Жана Старобинского о «темном, сумрачном центре» (*centre ténébreux*)²⁹, который Французская революция помещает «на месте традиционного расположения источника света»³⁰. Слово «демократия» ни Ямпольский, ни Старобинский в этом контексте не произносят. Но оно тут, конечно, напрашивается, ибо Французская революция, бесспорно, была одной из решающих родовых схваток современной демократии, явившейся из чрева Ancien Régime и его погубившей, а Жан-

Жак Руссо, на «Общественный договор» которого оба они опирают свои пронищательные построения, — одним из главнейших ее, современной демократии, провозвестников.

Так, Харальд Видра определяет демократию как «систему господства, оставляющую место власти пустым», отмечая двойную парадоксальность подобной системы: с одной стороны, парадоксально «постоянное диалогическое биение между демократическим порядком и его латентной подосновой — вакуумом власти (*authority vacuum*)», с другой стороны, парадокс в том, что «выраженная антиавторитарность демократии возбуждает в ней жажду обретения авторитетного центра (*center of authority*)»³¹ — то есть жажду заполнения пустого центра, то есть соблазн измены собственной природе ради обретения силы противостоять авторитарному врагу.

³¹ Wydra 2015: 186.

³² Goldsmith 1993; Keenan 2003; Smith 2003; Santner 2012.

В этих (и других)³² текстах можно найти немало ценного. Хорошо видно и их общее слабое место. Их авторы совершенно не разъясняют, что именно они называют «центром», не придают понятию центра ни малейшей операциональности (видимо, полагая его самоочевидным — что вовсе не очевидно). Весьма характерен метод (если это слово здесь применимо) Пьера Розанваллона: дав введению к своей работе «Демократическая легитимность» многообещающее название «Смещение центра в демократических государствах», он поочередно объявляет центральными для демократии такие разные феномены, как парламент, воля избирателей, всеобщее избирательное право, беспристрастность правосудия, конституционные нормы, конституционные суды, средства массовой информации...³³ Неужели они все разом куда-то смещаются? И куда, в конце концов? Так не годится. Образ «пустого центра» не заслуживает столь легкомысленного отношения, визионерских интуиций здесь недостаточно. В пустоте демократического центра что-то кроется; в нее нужно всмотреться.

³³ Розанваллон 2015: 7, 13, 40, 109, 134, 155, 212.

Нет для этого более совершенной аналитической оптики, чем разработанная Эдвардом Шилзом (и довольно узким кругом его единомышленников — в котором, впрочем, такие блистательные фигуры, как Клиффорд Гирц и Шмуэль Норман Айзенштадт). Уже давно я считаю наследие Шилза недооцененным методологическим ресурсом социальных и политических наук и ратую за его возвращение в активный научный оборот — с упорством, которому просто не нахожу лучшего применения. Поэтому сейчас будет достаточно ограничиться немногими ссылками на первоисточники и предложенные мною их интерпретации³⁴, а также несколькими минимально необходимыми цитатами.

³⁴ Shils 1975, 1988; Geertz 1977; Eisenstadt 1988; Каспэ 2007, *esp.* 30—44. Важные уточнения и дополнения, корректирующие мою первоначальную трактовку шилзовской «макросоциологии центра», сделаны в Каспэ 2012a: 39—52.

«Термин „центр“ обозначает тот сектор общества, где некоторые обладающие особой значимостью виды деятельности (*activities*) и функции более сконцентрированы или более интенсивно осуществляются, чем в других секторах, и который в большей степени, чем другие сектора, является фокусом внимания, озабоченности, подчинения, почтения и подражания»³⁵. Прежде всего центр представляет собой «феномен мира ценностей и верований. Это центр того порядка сим-

³⁵ Shils 1988: 251—252.

- ³⁶ Shils 1975: 3. волов, ценностей и верований, который правит обществом»³⁶, «ядро ценностной системы общества, ее нередуцируемые, критически важные элементы. „Центр“ в этом смысле иначе обозначается как „центральная ценностная система“ (central value system)»³⁷. «Центральная зона обладает сакральной природой. В этом смысле каждое общество имеет „официальную“ религию, даже тогда, когда это общество им самим или его представителями и интерпретаторами трактуется — более или менее корректно — как секулярное, плюралистическое и толерантное», — поскольку даже такое общество не может обходиться без локусов производства «институционализированной харизмы»³⁸. С другой стороны, ценности не функционируют без институциональной поддержки. Второй облик центра — центральная институциональная система, «комплекс институтов, легитимированный центральной ценностной системой»³⁹, технически обеспечивающий «пропитывание» (saturation) центром периферии. «Это употребление понятия „центр“... указывает на совокупность влиятельных институтов и персон, выражающих и воплощающих центральную ценностную систему... не сам „генетический код“ общества, но важнейший механизм его трансляции... Центральная ценностная система и есть то, что выражает и воплощает институциональный центр»⁴⁰. Наконец, третий облик: «Легитимация центра достигается согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, неотъемлемо присущими космическому или природному порядку либо предписанными верховной трансцендентной мощью. Поэтому мы можем говорить о трансцендентном центре, о центре, располагающемся по ту сторону (beyond) событий и установлений рутинного земного бытия, возвышающемся над ними»⁴¹. Разумеется, для Шилза трансцендентный центр представляет собой исключительно социологический факт — земные, посюсторонние центры легитимны постольку, поскольку в состоянии апеллировать к какой-то внеположной самим себе инстанции, вне зависимости от того, каким содержанием она наполнена в разных культурах и в разные времена. Вопрос об истинности той или иной трансценденции в пределах науки не должен задаваться; Шилз его и не задает. Но как элемент социальной реальности трансцендентный центр не менее (и не более) реален, чем центр ценностный и центр институциональный.

Совместить это хорошо профилированное, по-настоящему операциональное представление о природе центральности с образом «пустого центра» демократии как будто затруднительно. Во-первых, как центр, трактуемый по Шилзу, может быть пуст *теоретически*? Ведь центр конституирует общество per se, отсутствие центра означало бы и отсутствие общества. Да, призывы к отказу от самого этого понятия предпринимались еще во времена Шилза; но он их решительно отклонял. (Я, кстати, тоже никак не могу уразуметь, как можно одновременно отрицать существование общества и продолжать называть свои занятия *социологией*. Возможно, это признак ретроградного скудоумия; но не могу.) Не стану лишать себя удовольствия вновь процитировать восхитительную в своей

⁴² Shils 1975: 3.

лапидарности фразу, с которой начинается «Центр и периферия»: «Society has a center»⁴². Увы, теперь так не пишут... К тому же какой именно центр пуст — ценностный, институциональный или трансцендентный? Что, в демократиях вовсе нет «символов, ценностей и верований»? Или «влиятельных институтов»? Или демократии научились обходиться без трансцендирования политического (при том что возникли они как раз в результате очередной попытки такого трансцендирования, более успешной, чем непосредственно перед тем предпринятая абсолютными монархиями и оказавшаяся неубедительной⁴³)? Нет, нет и еще раз нет.

⁴³ Кэспэ 2007: 155—202. Ниже этот сюжет будет затронут чуть подробнее.

Во-вторых, что может означать пустота центра *практически*? В плане ли демократической политической культуры (то есть специфической для демократий констелляции политически релевантных ценностей, представлений, установок etc.), или демократического институционального дизайна (то есть специфического для демократий состава «организаций, рассчитанных на длительный период, передаваемых из поколения в поколение, как бы по наследству»⁴⁴), или демократической «гражданской религии»⁴⁵ (без того или иного варианта которой ни одна «старая», на деле доказавшая свою жизнеспособность демократия не обходится)? Как устроена политическая реальность (уже не политическая теория), в самой сердцевине которой проделано некое загадочное отверстие?

⁴⁴ Даль 2000: 83. Я предпочитаю это довольно узкое определение институтов, данное Робертом Далем, более широкому и наиболее популярному сейчас определению Дугласа Норта: «Институты — это „правила игры“ в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Норт 1997: 17).

Предпочитаю именно в силу его узости, что в данном случае синонимично внятности и опять же операциональности.

⁴⁵ Bellah 1967, 1992; Liebman, Don-Yihya 1983; Уолцер 2000: 90—95; Hviithamar, Warburg, Jacobsen (eds.) 2009; Weed, Heyking (eds.) 2010; Beiner 2011.

⁴⁶ Shils 1988: 250.

⁴⁷ Ibid.: 254.

⁴⁸ Ibid.: 253.

Эти затруднения разрешимы. Конечно, существуют и демократические ценности, и демократические институты, и демократическая трансценденция, сообщающая этим ценностям и институтам вполне сакральный (в дюркгеймовском смысле слова) статус. Пустота центра не равна отсутствию центра, даже просто семантически и геометрически не равна — есть же центр не только у круга, но и у окружности. Однако тут в рассуждение необходимо добавить еще один элемент.

Да, и общества, и их периферии, и их центры слагаются из ценностей, институтов и трансценденций. Но прежде и пуше всего они слагаются из людей (личностей, индивидов, персон... ad libitum), а также из их весьма разнообразных альянсов и группировок. Вопреки пространенному заблуждению, структурный функционализм даже в самых радикальных своих изводах никогда не игнорировал этого фундаментального основания социальности. Не игнорировал его и Шилз. Иначе он не определял бы «взаимные ориентации центров и периферий» как «субъективные состояния», включающие «знания, нормы и чувства»⁴⁶. Иначе он не подчеркивал бы специально, что центр равным образом выступает и как «идеал или комплекс идеалов», и как «комплекс институтов», и как «группа или круг индивидов»⁴⁷. Иначе он не писал бы о «членах центра (members of the center), обычно глубоко единомышленных в отделении самих себя от периферий» (потому что «способность к различению центра и периферии можно считать одной из самых универсальных особенностей человеческого восприятия реальности практически во всех обществах, и прежде всего в обществах дифференцированных»)⁴⁸. В конце концов, кто еще, как не сами же

люди (persons), способен «действовать и вещать от имени центра, привлекая внимание, предлагая обоснования, добываясь подражания, внушая преданность и требуя покорности»⁴⁹? Больше ведь некому.

Разумеется, есть свой человеческий субстрат и у демократических центров. Но он поставлен в довольно странное положение — поставлен самими же демократическими ценностями, институтами и трансценденциями. «Члены центра» обязаны обеспечивать его функционирование, поддерживать его жизнеспособность — но каким-то таким необыкновенным образом, чтобы ни в коем случае не находиться в самом центре, одновременно присутствовать и отсутствовать в нем. Лефор, хотя и со свойственной ему беглостью, несколько раз касался этого шекотливого момента: «власть не принадлежит никому лично... те, кто практикует ее, не обладают ею, более того, не воплощают ее»⁵⁰. При-

⁵⁰ Лефор 2000: 285.

⁵¹ Там же.

⁵² Именно так, а не «ничья» или «не принадлежащая никому». И кто же этот Никто?

⁵³ Lefort 1986: 279.

чем «не нужно смешивать идею, что власть не принадлежит никому, с идеей, что она обозначает пустое место»⁵¹. Сверх того, этот пустой центр демократии по Лефору еще и не должен быть взаправду пустым — только «символически»! «Демократия совмещает два очевидно противоречащих друг другу принципа: с одной стороны, власть исходит от народа, с другой стороны, это власть никого (power of nobody)⁵². Этим противоречием демократия и питается <...> Если место власти становится пустым не просто символически, но и *в самом деле* (really), тогда те, кто исполняет функции власти, начинают восприниматься как всего лишь рядовые индивиды, группирующиеся в своих частных интересах. Затем следует коллапс легитимности»⁵³.

Как это понимать? Можно ли это вообще понять? Не уверен; по крайней мере, не уверен в себе, в том, что верно понял столь туманно выраженную мысль Лефора (французская манера политического письма бывает очаровательна; но бывает и невыносима). Но она все равно стимулирует дальнейшую интеллектуальную работу, направленную в сторону большей строгости и ясности. Во всяком случае, кажется допустимым предположить, что в демократиях не просто воспрещается индивидуальное или групповое присвоение власти (оно может воспрещаться в самых разных режимах, не обязательно в демократических); сама демократическая политическая форма устроена так, что *присваивать нечего*.

Демократический центр пуст в том смысле (который можно называть и «символическим», если не вкладывать сюда никакой его недооценки), что никто — ни индивид, ни какой бы то ни было альянс индивидов, вне зависимости от своей численности и ресурсной мощи, — не может представить себя единственным выразителем и транслятором демократических ценностей, единственным распорядителем и управителем демократических институтов, единственным пророком демократической трансценденции. Табуированность притязаний на такого рода монополию включена в состав центральной ценностной системы демократических политий; это центр их центра. Причем табуируется именно монополярная персонификация (resp. «группификация») вла-

⁵⁴ Возможно, не что в этом духе имел в виду Рансьер, когда (исходя из совершенно других предпосылок) писал о «полностью „самовычтенной“ демократии», в которой «речь идет о том, чтобы гарантировать центр не через присутствие, но через отсутствие, посредством функции интервала» (Рансьер 2006: 38). Увы, те же самые черты французской манеры изъясняться, о которых упоминалось применительно к Лефору, не позволяют утверждать что-то более определенное относительно мысли Рансьера.

⁵⁵ Каспэ 2014.

⁵⁶ Манан 2004: 75—76.

⁵⁷ Мф. 8:12, 22:13, 25:30.

⁵⁸ Ср. предложенную Георгием Кнабе реконструкцию интенций, сопроваждавших основание Рима — *Aeterna Urbs*, Вечного Города: «Его окружала проведенная плугом борозда, земля из которой образовала шедший вокруг города вал. Так возник *romerium* — граница, неодолимая для враждебных, нечистых, извне подступающих сил, очерчивавшая территорию, в ней заключенную, как бы магическим кругом и делавшая ее священной» (Кнабе 1994: 254).

сти, ее моносубъектность, а не репрезентация, пусть даже заявляющая внешне сходные претензии. Репрезентация — игра, в которую могут играть многие одновременно и вполне невозбранно: так, любой депутат любого представительного собрания репрезентирует своих избирателей (и собственно «своих», и корпус избирателей в целом), доказывает, что он делает это лучше своих соседей по палате и уж всяко лучше своих оппонентов на прошлых и будущих выборах... Тем же самым заняты сотни его успешных коллег и тысячи их менее успешных конкурентов — пространства репрезентации хватает на всех. Так или иначе репрезентируют политическое целое и вовсе неизбираемые функционеры центра — скажем, члены британской палаты лордов или американского Верховного суда. Персонификация же, о которой я говорю, оканчивает игру репрезентации. Игра закрывается, когда моносубъект заявляет о своей полной тождественности репрезентируемому целому и, не встретив сопротивления несогласных или преодолев его, действительно становится равен целому, совпадает с ним. Тогда все остальные репрезентанты целого изгоняются со сцены. Демократический политик (скорее политик вообще, волею судеб оказавшийся в рамочных условиях демократии) может, конечно, присутствовать на сцене — где же ему еще присутствовать, раз он политик? Но он обречен вечно кружить по ней в хороводе себе подобных, лишь изредка получая возможность выступить с коротким индивидуальным номером — проплясать какую-нибудь качучу и тут же вернуться в состав ансамбля. Сольные представления в этом театре не предусмотрены. Когда они становятся нормой, демократия прекращает течение свое.

Итак, *демократия имеет форму тора*. Проще выражаясь, бублика. Пространство демократии отделено и от внешней среды, и от собственного средоточия⁵⁴. Именно эта ее топологическая особенность позволила демократии в большей степени, чем всем другим известным человечеству политическим режимам и порядкам, преуспеть в борьбе с политическим злом (не одолеть и не уничтожить его, конечно, но найти средства ему противостоять). Эмпирическим подтверждением тут является тот примитивный и потому неопровержимый факт, что потоки беглецов, спасающихся от политического зла, *всегда* направлены от не-демократий к демократиям и *никогда* наоборот. Вновь прибегну к метафоре Города, к которой я уже обращался, исследуя природу политического зла⁵⁵, и которая есть «отправной пункт всякого политического размышления, точка отсчета, к которой надо постоянно возвращаться <...> первоначальный очаг европейской и западной политики, которая даже свое название получила от него <...> основополагающий опыт, раскрытие того, что люди могут и должны делать, чтобы достичь *справедливости и счастья*»⁵⁶. Любой Город, любая полития, как бы она ни была устроена внутри себя, очерчивает и охраняет свой периметр, возводит наружную стену, ограждающую ее от «тьмы внешней»⁵⁷, от Хаоса, посягающего на Космос⁵⁸. Но полития, устроенная демократически, сооружает еще и вторую, внутреннюю стену — вокруг той центральной

цитадели, овладение которой дало бы захватчику ключи ко всем дверям и вратам Города (ведущим как в публичные пространства, так и в частные жилища), устранило бы все те «различия, разделения, кливажи, мембраны, фильтры и прочие средостения, существующие внутри политического», которые «сами по себе не тождественны политическому благу. Но их отсутствие или дисфункциональность (i.e. проницаемость сверх меры либо, наоборот, закупорка сверх той же самой меры) тождественны политическому злу»⁵⁹. Потому что зло может явиться не только извне политики, но и из ее собственного центра. И именно для этого зла демократии особенным, никаким другим режимам не свойственным образом уязвимы. Для зла, выступающего под тем же именем и знаменем, которое носит сама демократия. Под именем суверенного «*народа*», единого и неделимого.

Большинство тех институциональных, структурных элементов современной демократии, которые принято считать, и совершенно справедливо, ее специфическими характеристиками, суть как раз «антинародные» меры предосторожности — в смысле очень близком к буквальному, но с ним все же не совпадающем. «Народ» должен быть обезврежен, секьюритизирован — но не для того, чтобы сам он не выступил на политическую сцену (в больших обществах это невозможно), а для того, чтобы в центр политической сцены не вступил бы никто, принявший личину «народа» вообще⁶⁰. Для этого было задумано и осуществлено разделение властей — не как инструментальная технология, известная любым сколько-нибудь дифференцированным политическим режимам, но как ценностно окрашенная, нормативная установка⁶¹, позволяющая и предписывающая всем властям действовать волей и силой народа и одновременно воспрещающая какой-либо из них заявить исключительные претензии на распоряжение этой волей и этой силой. «Разделение властей... расчищает центр, окружая его конгломератом властных институтов, ни один из которых не в состоянии в него двинуться, будучи выталкиваем силами всех прочих <...> Сакрален только зияющий в центре провал, окруженный хороводом самих по себе вполне профанных палат, министерств, судов, прокуратур, префектур, департаментов etc. и бросающий на них свои легитимирующие отсветы. Он репрезентирует суверенный, единый во всех своих лицах, снимающий здесь все свои внутренние стратификации и расколы и, кстати, нигде за его пределами в настолько совершенном виде и не обнаруживаемый *народ* — кумир этого политического космоса»⁶².

Разумеется, разделение властей — неустойчивая, постоянная колеблющая конструкция.

NB! Более всего она напоминает известный кинематографический прием «мексиканский тупик» (Mexican standoff), то есть ситуацию, в которой несколько (минимум трое) оппонентов держат друг друга под прицелом — как говорится, «на стволах», однако никто не рискует выстрелить первым, так как тем самым даже в случае

⁵⁹ Каспэ 2014: 25.

⁶⁰ *Еще раз: защите подлежит именно центр, просцениум. Вокруг него развивается игра репрезентаций и репрезентантов; вокруг, но не в нем.*

⁶¹ См., напр. Бешлер 1994: 90—91, 113.

⁶² Каспэ 2007: 192—193.

поражения цели вызовет на себя неотразимый огонь сразу со многих направлений. Пока сохраняется подобное напряжение, стороны могут вести переговоры и искать компромисс. Очень похоже на демократическую политику, особенно когда она находится в состоянии вроде французского «cohabitation» или американского «divided government».

Так что понятен и основателен скепсис Бертрана де Жувенеля (тем более понятен, что обнародован этот скепсис был в 1947 г., а зрел в предшествующие горькие десятилетия): «Расчленять Власть, происходящую из единого источника (большинство народа), на различные органы — пустое ухищрение. Пока сохраняется такая расчлененность, конечно, есть и конфликт, но это пагубный конфликт личных или корпоративных амбиций, а не оздоровляющий конфликт разных социальных интересов <...> поскольку ничто, кроме искусства создателей конституций и самолюбия разного рода представителей, не поддерживает власти разделенными, они объединяются в органе, который побеждает и в своем абсолютизме уже не знает никаких преград. Поэтому Власть нельзя ограничить, просто разделив Imperium и отдав его составные части разным органам»⁶³.

⁶³ Жувенель 2011: 400—401.

Впрочем, сам же де Жувенель указал выход из затруднения: «Подлинное ограничение требует вполне сформировавшихся и вполне осознанных групповых интересов, достаточно хорошо вооруженных, чтобы остановить Власть, когда она вторгается на их территорию, и кроме того — правовой системы, достаточно независимой, чтобы быть арбитром в конфликтах, а не орудием Центра»⁶⁴. Правовая система тем не менее вторична по отношению к групповым интересам, производна от них, потому что защищена почти только ими (в первую очередь «хорошо вооруженными»): «Когда социальные власти были уничтожены, право под воздействием тех же страстей и под прикрытием тех же идей потеряло свою автономию», и теперь лишь «сохранившееся в душах смутное чувство трансцендентности права облегчает восстановление его независимости»⁶⁵.

⁶⁴ Там же: 401.

⁶⁵ Там же: 403. Ср. обсуждавшиеся выше размышления Шилза о трансцендентном центре как животворном источнике всякого закона и всякой власти (кроме власти чисто разбойничьей). Кажется, «чувство трансцендентности права» не столь уж смутно; оно может быть вполне весомым мотивом человеческого, в том числе политического, действия. См. также Берман 1999, esp. 12—33.

⁶⁶ Юм 1996: 512.

⁶⁷ Цит. по: Бейлин 2010: 277, прим. 12.

А что, собственно, такое «вполне сформировавшиеся и вполне осознанные групповые интересы»? Ба, да это же партии! Те самые партии, которые на первых этапах становления современных демократий были не без оснований идентифицированы Дэвидом Юмом как «сорняки», которые «подрывают систему правления, делают бессильными законы и порождают самую яростную вражду среди людей одной и той же нации», так что «дело редко кончается чем-либо иным, кроме полного распада той системы правления, при которой они были посеяны»⁶⁶, а лордом Болингброком — вообще как «политическое зло»⁶⁷. Те самые партии, восприятие которых демократическими теоретиками и практиками затем постепенно смягчалось: если Джеймс Мэдисон в десятом письме «Федералиста» еще уповает на то, что проектируемая Конституция избавит Америку от той «мутной накипи, которой дух партийной

⁶⁸ *Американские федералисты 1790: 66. О причинах, по которым я исползу очень редкий русский перевод «Федералиста», выполненный Григорием Фрейдиным, а не гораздо более растиражированный (под редакцией Николая Яковлева — Федералист 2000), см. Каспэ 2007: 193.*

склоки покрыл наши правительственные институты»⁶⁹, то Джордж Вашингтон в своем прощальном послании к нации 1796 г. подобных надежд уже не питает. Этот важный текст заслуживает довольно пространный цитирование — хотя бы потому, что он до сих пор ежегодно, 22 февраля, перед началом очередной сессии Конгресса США, зачитывается перед обеими его палатами, тем самым сохраняя прямую ин-структивную силу. «Любые союзы и ассоциации, созданные под любым уважительным предлогом с действительным намерением осуществлять руководство или контроль над конституционными властями, препятствовать им или запугивать их в ходе принятия ими решения и осуществления действий, наносят ущерб этому основополагающему принципу и носят пагубный характер.

Они способствуют возникновению фракционной борьбы, приданию ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации волей партии — зачастую небольшого, но предприимчивого меньшинства общества — и, принимая во внимание чередующиеся триумфы партий, превращению государственных органов власти в зеркало, отражающее непродуманные и нелепые прожекты фракций, а не в орган реализации разумных планов, поддерживаемых всеобщим мнением и отвечающих взаимным интересам.

Чередующееся доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных расколов чувством возмездия, которое в различные времена и в различных странах влекло за собой наиболее чудовищные преступления, само является ужасным деспотизмом. Но это ведет в конечном счете к более прочно закрепившемуся деспотизму. Нарастающие разброд и лишения подталкивают людей к мысли искать защиты и отдохновения у отдельной личности с абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей фракции, более способный или более удачливый, чем его соперники, обращает эту ситуацию на пользу своего собственного возвышения на руинах общественной свободы».

Да, «существует мнение, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент контроля за отправлением власти и способствуют сохранению духа свободы. В каком-то смысле это, возможно, верно, и в правительствах монархического толка патриоты могут рассматривать партийный дух со снисхождением, если не с одобрением. Но в правительствах народного толка, в избранных правительствах такого рода дух не следует поощрять. Можно с уверенностью утверждать, что в каждой партии, естественно, будет всегда достаточно такого духа; а в условиях наличия постоянной опасности проявления крайностей общественное мнение должно использовать свое влияние для того, чтобы смягчить и умерить его. Чтобы поддерживать огонь, необходима всеобщая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит»⁶⁹. То есть огонь партийного духа, первоначально осужденный, все-таки может и согреть — если его специально не поощрять (он и без того найдет себе

⁶⁹ *Washington's Farewell Address 2000: 14—18. Русский перевод: <http://www.intelros.ru/subject/discourses/1879-dzhordzh-vashington.-proshhalnoe.html>.*

пищу) и если принять достаточные меры противопожарной безопасности. Главнейшей же из них призвано стать именно разделение властей, к которому Вашингтон переходит сразу же после рассуждений об угрозе партийных распрей и прямо их продолжая: «Важно также, чтобы привычка мыслить предупредила тех, кому поручено руководить свободной страной, что не следует превышать полномочия, определенные им Конституцией, и избегать покушения одного властного подразделения на прерогативы другого. Дух покусительства способствует консолидации прерогатив всех властных подразделений в одних руках и таким образом создает, независимо от формы государственного правления, истинный деспотизм»⁷⁰. Спустя 40 лет Токвиль еще продолжает именовать партии злом — но уже со спокойным фатализмом признает их злом неустрашимым, «свойственным демократическому правлению»⁷¹. Понадобилось еще более века (куда вместились и осторожная благосклонность по отношению к партиям, проявленная Гарольдом Ласки после Первой мировой войны⁷², и панический страх перед ними, объявивший де Жувенеля после Второй⁷³), чтобы Морис Дюверже зафиксировал новый демократический консенсус относительно феномена партийности: «свобода совпадает с режимом партий»; «только рост партий... открыл возможность реального и активного сотрудничества всего народа с политическими институтами»; «если бы демократия и в самом деле была несовместима с партиями, это, бесспорно, означало бы, что она несовместима с условиями нашей эпохи»⁷⁴. Консенсус этот незыблем и по сейчас, несмотря на все многочисленные камлания о кризисе и смерти партийности, обязательным номером входящие в ритуал «похорон демократии» и с особенной охотой подхватываемые людьми, которые, по проф. Преображенскому, «отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны».

⁷⁰ *Ibid.*: 18—19.

⁷¹ *Токвиль 2000*: 144.

⁷² *Laski 2015*: 312—314.

⁷³ *Жувенель 2011*: 362—371.

⁷⁴ *Дюверже 2000*: 512—514.

NB! Хороший пример — суетливая дискуссия, поднятая у нас несколько лет назад вокруг блистательной книги Бернара Манена. Жирную точку в ней поставил сам Манен, причем в специальном постскриптуме именно к русскому изданию: «Из того, что партии утратили некоторые возможности, еще не следует, что они ослабели в целом. Возможно, мой анализ „аудиторной демократии“ в контрасте с „партийной демократией“ мог создать впечатление отрицания партий, но я имел в виду не это»⁷⁵. *Не это*, и все тут.

⁷⁵ *Манен 2008*: 296.

Никаких непартийных или постпартийных демократий в мире так и не явилось — и, надо думать, не явится. Потому что облагороженная, «цивилизованная» партийность в комбинации с разделением властей и есть конститутивный элемент современной демократии. Потому что и то, и другое служит одной цели — гарантировать пустоту центра, обезопасить его от захвата. «Война всех против всех» замещена и вытеснена «игрой всех против каждого». О функциональном сходстве и взаим-

⁷⁶ *Каспэ 2007: 179—202.*

⁷⁷ *Каспэ 2014: 25.*

⁷⁸ *Американские федералисты 1990: 68.*

⁷⁹ *Каспэ 2014: 26.*

⁸⁰ *Оба варианта освещены в статье, но не стареющей работе Яакова Лейб Талмона о «тоталитарной демократии» (Talmon 1952).*

ной комплементарности партийности и разделения властей я уже писал несколько лет назад⁷⁶. Недавно к сказанному в «Центрах и иерархиях» пришлось добавить важное уточнение: «легитимация и легализация политически референтных размежеваний внутри самой политики, в условиях электоральной, представительной демократии проецируемых в структуры власти, то есть размежеваний партийных»⁷⁷, — не просто результат смирения с неустранимой из человеческой природы «склонностью ко взаимной вражде»⁷⁸, но и действенный способ противостояния политическому злу, по смыслу своему парный расщеплению и противопоставлению друг другу властных институтов. «Если через идею и практику представительства в процесс принятия политических решений включаются массы, то они тоже становятся потенциальным каналом проникновения и распространения политического зла. Партийные размежевания препятствуют инфильтрации политического зла между сегментами, частями общества (ведь партии суть просто *partes*, части) — и тем самым выстраивают новую линию обороны от него»⁷⁹.

Отсюда же и другие особенности демократических политий — например, свойственная им парадоксальная нелюбовь к референдумам (*var.* — плебисцитам). Вроде бы референдумы представляют собой простейший, наиболее убедительный способ прямой конвертации «мнения народного» в политическое решение. Тем не менее они не превратились в рутинный, регулярный механизм осуществления власти демоса нигде, кроме Швейцарской Конфедерации, весьма нетривиальной и во всех прочих отношениях. Дело тут опять же не в тех опасениях, что демос вдруг примется властвовать решительно, непосредственно и ежедневно — на это ни у какого демоса желания, терпению и свободного времени не хватит, даже у швейцарского. Дело в гораздо более реальной угрозе — что некий политический актер, оседлав поднятый референдумом «потный вал» народного чувства, использует мощь этого абсолютного, по буквалистской демократической логике, оружия и для сокрушения всех своих соперников, и для упразднения институциональных сдержек и противовесов, препятствующих его вторжению в центр. Либо фиксации успеха уже состоявшего вторжения⁸⁰, как это было с референдумом 10 апреля 1938 г. об одобрении аншлюса Австрии и одновременно о поддержке «списка нашего фюрера Адольфа Гитлера» на выборах в рейхстаг (при том что никаких других списков на этих выборах не предусматривалось — прочие партии уже были запрещены). Результат оказался поистине триумфальным — 99,01% голосов «за» в Германии, 99,73% в Австрии, 831 избранный депутат, все до единого от НСДАП. Последствия триумфа известны — до военного разгрома, политического уничтожения и территориального расчленения германского государства оставалось чуть более семи лет.

Или еще один действенный, но не всем политиям доступный способ защиты пустого центра — совмещение демократии и монархии. Он тоже парадоксален — ведь та же буквалистская демократическая логика вроде бы налагает безусловное табу на всякую наследственную

передачу власти. Однако «монархические демократии» существуют, причем в среднем вызывают меньше нареканий относительно своего качества и стабильности, чем республиканские. Монарх в демократической системе — дополнительная, факультативная, но далеко не лишняя фигура. Он не просто символизирует единство демоса; он гарантирует, что в его присутствии это единство не сможет символизировать никто другой. Он — призванный происхождением и подготовленный воспитанием *караульщик пустоты*. Место монарха нельзя так просто занять именно потому, что он поставлен на него не переменчивым в своих настроениях народом, а неотменимым долгом крови и рода. Конечно, поэтому же он не обладает никакими ординарными инструментами влияния на жизнь демократического Города. Ему оставлены только средства экстраординарные, приводящиеся в действие лишь тогда, когда опасности подвергается сама конституция Города, но зато со всей неотвратимостью (Хуан Карлос I Бурбон, король Испании, почти единолично подавив в феврале 1981 г. антидемократический военный переворот, продемонстрировал это очень убедительно). Любопытно, что сквозь реальность немонархических демократий образ отсутствующего, вычтенного (иногда изгнанного или убитого) монарха также просвечивает. «Парламент был институциональным локусом, позволившим риторически заполнить политический центр, опустевший со смертью короля»⁸¹, — заметил Филип Манов, интерпретируя опыт Французской революции, настойчиво искавшей оптимальный способ пространственного выражения новой политической реальности (прежде всего в архитектуре и топологии парламентских зданий и залов). Вообще, вся эта небольшая, но чрезвычайно емкая книга не оставляет сомнений в том, что «во многих отношениях идея народного суверенитета является интеллектуальной копией идеи монархического суверенитета»⁸². Но, пожалуй, еще выразительнее нередко встречающееся в англоязычной литературе определение демократии *per se*, уже без привязки к опыту Франции, как «длящегося междуцарствия» (*permanent interregnum*)⁸³. Короля нет; и все же он как бы есть. Он подразумевается; он присутствует, даже отсутствуя.

⁸¹ Манов 2014: 55.

⁸² Там же: 9.

⁸³ Оно до такой степени распространено, что случай его первого, «авторского» употребления отыскать не удастся (во всяком случае, мне не удалось). В смысле, наиболее близком к тому, который я сам подразумеваю, его использовал Видра (Wydra 2015: 186).

⁸⁴ Нойштадт 1997: 15.

NB! Редко вспоминается, что республиканский институт президентской власти возник в США (и оттуда, с теми или иными модификациями, распространился по миру) как суррогат и субститут власти монархической, причем в основном потому, что Вашингтон отказался от настойчиво предлагавшейся ему короны. «В нашей системе президент на определенный период времени призван выполнять функции британского монарха, то есть быть не только главой государства в современном смысле, но и руководителем правительства в версии конца XVII века... В основании нашей Конституции лежит негласное, но вполне очевидное толкование английского закона о престолонаследии 1688 года»⁸⁴.

⁸⁵ Шмитт 1992.

⁸⁶ Каспэ 2015б: 18.

⁸⁷ Подробнее о методах и прецедентах легитимирующей апелляции к внешнему центру см. Каспэ 2012а: 145—164.

⁸⁸ Каспэ 2015б: 27. Развернутому обоснованию обобщенной позиции посвящена вся эта статья.

Той же необходимостью расчистки центра объясняется и специфический для демократий статус политического субъекта, да и самого политического (*das Politische*) по Карлу Шмитту⁸⁵. Политическое в них замкнуто в кольцеобразном пространстве — внутри стен Города и вокруг пустой цитадели. Оно, таким образом, не просто автономно — оно автономно дважды и вдвойне. Напомню, что под автономией политического я понимаю такое его состояние, когда «политический закон устанавливается не иначе как политическими же средствами и способами, когда неполитическое определяет содержание политического закона только опосредованно, а политический закон определяет неполитическую жизнь тоже только опосредованно, не подменяя собой нормы, имеющие иной источник, и уважая границы неполитических доменов»⁸⁶ — в демократиях, в отличие от всех иных режимов, они расположены как вне политического, так и внутри его, в самом его сердце. Но преуспевают в этом *дважды автономном* политическом лишь *неавтономные* субъекты. Те, кто находит способ воззвать к пустому центру, заговорить от его имени и переговорить своих менее убедительных конкурентов, в сам запретный центр при этом не входя. Вообще не зывают к центру, вообще автономны в демократическом Городе только карманники, надувалы и прочие мазурики, рышущие в поисках быстрой наживы по рыночным площадям (и только их деятельность адекватно описывается метафорой политики как рынка). Можно, кстати, воззвать и к внешнему центру, расположенному за пределами городских стен, — хоть к Риму, хоть к Парфии, хоть к НАТО, хоть к Организации Варшавского договора, хоть к Европейскому союзу, хоть к Евразийскому⁸⁷... В любом случае доступ к настоящей политической силе дает, вопреки распространенному заблуждению, именно неавтономность субъекта, его субординированность кому-то или чему-то большему, чем он сам. В частности, так обретается высшая сила «учреждения и переустройства самого сообщества, придания ему *политической формы*»⁸⁸.

Но почему демократии устроены так странно? Зачем нужен пустой центр? Откуда эта удивительная фобия собственного главного идентификатора, i.e. демоса, народа, — ведь не бояться же монархии монархов, тирании — тиранов, аристократии — аристократов, а олигархии — олигархов? То есть тираны и олигархи могут противиться вербальному приписыванию соответствующих имен самим себе (обычно маскируясь как раз под демократов); но сами они никаким структурным и нормативным принуждением из центра не изгоняются, напротив, прямо-таки вырастают в него. В демократиях же подобные тенденции пресекаются, пусть не всегда быстро — достаточно вспомнить, как в начале 1990-х годов была жестоко выкорчевана из итальянской политической системы Христианско-демократическая партия, на протяжении десятилетий запуская в ее центр свои цепкие корни. Если же такие меры не принимаются, демократия деградирует.

На поверхности лежит то объяснение, что в центре демократии может находиться исключительно народ — а он, в отличие от монархов,

⁸⁹ Андерсон 2001.

⁹⁰ Манан 2004: 96.

⁹¹ Gierke 1960: 30—31. См. также Elshstain 2008: 1—56.

⁹² Маритен 2000: 40—41.

⁹³ Кревельд 2006: 220. См. также Ямпольский 2004: 151—183 (глава «Место Бога — суверен как узурпатор»).

⁹⁴ Которые, в отличие от кинжала, табакерки и шарфа, символизировались и тематизировались как орудия не какого-нибудь частного или группового, а народного гнева.

⁹⁵ Цит. по: Лефор 2000: 174. Важна вся посвященная Кине глава «Политических очерков» (Там же: 159—174).

тиранов, аристократов и олигархов, чисто практически и технически ненаходим. Он конструируется, он функционирует как «воображаемое сообщество» по Бенедикту Андерсону⁸⁹. Вообще, теория Андерсона применима к демосам ровно в той же степени, что и к нациям — просто потому, что «нация» и «демос» суть разные названия одной и той же сущности. «Демократия и нация являются двумя способами осуществления проекта *self-government*. Социальный динамизм, вызываемый национальным фактом, и социальный динамизм, вызываемый фактом демократическим, налагаются один на другой и взаимно усиливаются: демократия и нация являются факторами внутренней гомогенности»⁹⁰. Но это объяснение именно что поверхностно, хотя и верно. Под ним, в глубине, есть еще одно.

Место народа, то самое место, где может быть только он, народ, и где он, народ, в то же самое время быть не может и не должен, — это не его собственное место. Это место Бога. Так вышло не сразу. Сперва на место Бога как единственно допустимого в рамках христианского мировидения подлинного суверена⁹¹ встал суверен монархический (точнее, монархический в абсолютистской трактовке). «Когда Жан Боден говорит, что суверенный государь являет собой образ Бога, эту фразу надо понимать во всей ее полноте, и она означает, что суверен — подчиненный Богу, но ответственный только перед Ним, — вне политического целого, так же, как Бог вне космоса. Либо суверенитет ничего не значит, либо он означает *отдельную и трансцендентную* верховную власть — находящуюся не на вершине, но *над* вершиной... и управляющую всем политическим сообществом *свыше*. Вот почему эта власть абсолютна»⁹². «В мире, где Бог больше не мог дать приемлемую для всех основу политической жизни, Боден хотел наделить суверена Его качествами и поставить на Его место, во всяком случае на Земле»⁹³. Однако эта трансценденция секуляризуемого и автономизируемого политического оказалась неубедительной — не в последнюю очередь потому, что монархический суверен, взалкавший занять место Бога, остался слишком посюсторонним, слишком зримым, слишком доступным, в том числе для топора, гильотины и бомбы⁹⁴. Трансценденция секулярного и автономного политического сработала тогда, когда на смену «слабой программе» абсолютного монарха пришла «сильная программа» *абсолютного народа*. Такой народ, в отличие от монарха, смог выйти за пределы всякого непосредственного, не опосредованного репрезентацией восприятия и фигурировать как действительно потустороннее Нечто (или Никто), которое (который) легитимирует своими теофаниями посюстороннюю политику, для нее самой оставаясь недостижимым.

Но это, вопреки радикальной формулировке Эдгара Кине, травмированного ужасами Террора и экстраполировавшего их на все возможные эпифеномены Революции, все же не «Народ-Бог»⁹⁵. Теперь мы знаем, что лишь в отклоняющихся, экстремальных случаях идол Народа оказывается явлен (самому народу) *clear and present* — так,

собственно, отклонения и опознаются. Лишь тогда ему начинают куриться фимиамы и приносятся человеческие жертвы (причем «враги народа» извлекаются из его же состава — откуда же еще?). В норме же и рутине демократий народ себя не обнаруживает. Он — только местоблюститель, буквально lieutenant⁹⁶, что-то вроде робкого узурпатора, знающего о своем самозванстве и оттого скрывающего свое лицо за пляской репрезентаций. Трансцендированный народ возвращается из-за грани трансценденции только голосом, звучащим (не всегда разборчиво) из горящего куста выборов и опросов. «Вера в общественное мнение становится религией — лишь чуть менее догматической, чем доктрина откровения»⁹⁷. А чем же еще ей быть, если «голос народа есть и в самом деле глас Божий»⁹⁸? Ветхозаветные коннотации тут не случайны — так, Ямпольский, интерпретируя некоторые аспекты политической философии Баруха Спинозы, отметил связь «идеи первоначальной демократии еврейского народа как теократии, в которой все равны перед Богом», и «идеи суверена как узурпатора места Бога»⁹⁹. Нет, я не хочу сказать, что демократия — «еврейская выдумка». Но я хочу сказать, что современная демократия развилась именно из ветхозаветной мысли о народе как единственном источнике всякой богоустановленной власти (Бог ставит власть через Свой народ и никак иначе), из новозаветной мысли, радикально расширившей понятие народа Божьего, и из дальнейшей секуляризации обеих этих установок, в результате которой «всякому национальному сообществу суждено было в тот или иной момент представлять в качестве „избранного народа“»¹⁰⁰. То есть того самого народа, которому было сказано: «Се, оставляется вам дом ваш пуст»¹⁰¹.

Демократический народ обозначает место Бога и в то же время оставляет его пустым. Пока выполняются оба условия, демократическая полития до некоторой степени защищена от политического зла, и даже сравнительно лучше, чем политии, устроенные на других принципах. Народ нельзя увидеть — так же, как Бога. Так же, как никого не увидел (или увидел Никого?) Гней Помпей, в 63 г. до н.э. войдя, сломив сопротивление избранного народа, в Святая Святых Иерусалимского Храма — и выйдя оттуда в недоумении. Попытки же эвокации народа, попытки добиться его реального пришествия на место Бога оборачиваются идолатрией вождя или партии. И Армагеддоном. Конечно, не тем настоящим и окончательным, что настанет в конце времен, а только его политической репетицией, которых за последнюю сотню лет было уже несколько. За каждой из них хлестала кровь, каждая открывала дорогу политическому злу. Поэтому для демократической власти свято место и должно быть пусто — потому что это *не ее место*. Вот лучшая политическая теология. Впрочем, здесь политическая теология кончается — и начинается теология как таковая. *Nec plus ultra*.

⁹⁶ Как всякий суверен — Ямпольский отмечает, что Жак-Бенинь Босюэ использовал это слово, определяя статус государей (Ямпольский 2004: 160—161). Государей в этом статусе сменил народ.

⁹⁷ Wydra 2015: 187.

⁹⁸ Руссо 2000: 159.

⁹⁹ Ямпольский 2004: 383.

¹⁰⁰ Балибар 2003: 112.

¹⁰¹ Мф. 23:38. Удивительным образом я игнорировал это евангельское речение все время, пока работал над текстом. Ирина Каспэ указала мне на него только тогда, когда текст был завершен, а она стала его первым читателем. Спасибо.

Библиография

- Американские федералисты:** Гамильтон, Мэдисон, Джей: *Избранные статьи*. 1990. — N.Y.
- Анкерсмит Ф.** 2014. *Эстетическая политика: Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. — М.
- Андерсон Б.** 2001. *Воображаемые сообщества*. — М.
- Балибар Э.** 2003. *Нация как форма: история и идеология* // Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности*. — М.
- Барт Р.** 2004. *Империя знаков*. — М.
- Бейлин Б.** 2010. *Идеологические истоки Американской революции*. — М.
- Бенвенист Э.** 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. — М.
- Берман Г. Дж.** 1999. *Вера и закон: примирение права и религии*. — М.
- Бешлер Ж.** 1994. *Демократия: Аналитический очерк*. — М.
- Бернхаген П.** 2015. *Измерение демократии и демократизации* // Бернхаген П., Вельцель К., Инглхарт Р., Харпфер К. (ред.) *Демократизация*. — М.
- Даль Р.** 2000. *О демократии*. — М.
- Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов.** 2015. — М.
- Дюверже М.** 2000. *Политические партии*. — М.
- Жувенель Б. де.** 2011. *Власть: Естественная история ее возрастания*. — М.
- Ильин М.В.** 2014. *Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I)* // *Полития*. № 4.
- Ильин М.В.** 2015. *Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II)* // *Полития*. № 1.
- Каспэ С.И.** 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М.
- Каспэ С.И.** 2012а. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. — М.
- Каспэ С.И.** 2012б. *О понятии политической формы* // *Полития*. № 4.
- Каспэ С.И.** 2014. *Определяя политическое зло* // *Полития*. № 3.
- Каспэ С.И.** 2015а. *Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину)* // *Полития*. № 2.
- Каспэ С.И.** 2015б. *Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму* // *Полития*. № 3.
- Кнабе Г.С.** 1994. *Историческое пространство Древнего Рима* // Кнабе Г.С. *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*. — М.
- Кревельд М. ван.** 2006. *Расцвет и упадок государства*. — М.

- Лакофф** Дж., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живем*. — М.
- Легойда** В.Р. 1999. Гражданская религия США: некоторые символы и ритуалы // *Полития*. № 4.
- Лефор** К. 2000. *Политические очерки: XIX—XX вв.* — М.
- Магун** А. 2011. *Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени*. — М.
- Магун** А. 2016. *Демократия*. — СПб.
- Манан** П. 2004. *Общедоступный курс политической философии*. — М.
- Манен** Б. 2008. *Принципы представительного правления*. — СПб.
- Манов** Ф. 2014. *В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства*. — М.
- Маритен** Ж. 2000. *Человек и государство*. — М.
- Нойштадт** Р. 1997. *Президентская власть и нынешние президенты*. — М.
- Норт** Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. — М.
- Рансьер** Ж. 2006. *На краю политического*. — М.
- Розанваллон** П. 2015. *Демократическая легитимность: Беспристрастность, рефлексивность, близость*. — М.
- Руссо** Ж.-Ж. О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. — М.
- Салмин** А.М. 2008. Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада // Салмин А.М. *Шесть портретов*. — М.
- Сартори** Дж. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии // *Полис*. № 3—5.
- Токвиль** А. де. 2000. *Демократия в Америке*. — М.
- Уолцер** М. 2000. *О терпимости*. — М.
- Федералист: Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея**. 2000. — М.
- Филиппов** А.Ф. 2008. *Социология пространства*. — СПб.
- Хёффе** О. 2015. *Есть ли будущее у демократии? О современной политике*. — М.
- Хелд** Д. 2014. *Модели демократии*. — М.
- Шмитт** К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. Т. 1. № 1
- Юм** Д. 1996. О партиях вообще // Юм Д. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. — М.
- Ямпольский** М.Б. 2004. *Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима*. — М.
- Alonso** S., Keane J., Merkel W. (eds.) 2011. *The Future of Representative Democracy*. — Cambridge.

- Beiner R.** 2011. *Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy*. — Cambridge.
- Bellah R.N.** 1967. Civil Religion in America // *Daedalus*. № 96.
- Bellah R.N.** 1992. *The Broken Covenant: American Civil Religion in a Time of Trial*. — Chicago.
- Eco U.** 1995. Ur-Fascism // *The New York Review of Books*. Vol. 42. № 11.
- Eisenstadt S.N.** 1988. Transcendental Vision, Center Formation, and the Role of Intellectuals // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Elshtain J.B.** 2008. *Sovereignty: God, State, and Self*. — N.Y.
- Gallie W.B.** 1956. Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56.
- Geertz C.** 1977. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Ben-David J., Clarke T.N. (eds.) *Culture and its Creators: Essays in Honor of Edward Shils*. — Chicago.
- Gierke O. von.** 1960. *Political Theories of the Middle Ages*. — Boston.
- Goldsmith S.** 1993. *Unbuilding Jerusalem: Apocalypse and Romantic Representation*. — Ithaca.
- Greenfeld L., Martin M.** 1998. The Idea of the «Center»: An Introduction // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Hvithamar A., Warburg M., Jacobsen B.A.** (eds.) 2009. *Holy Nations and Global Identities: Civil Religion, Nationalism, and Globalisation*. — Leiden, Boston.
- Keenan A.** 2003. *Democracy in Question: Democratic Openness in a Time of Political Closure*. — Stanford.
- Laski H.** 2015. *A Grammar of Politics*. — L., N.Y.
- Lasswell H.D., Kaplan A.** 1950. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. — New Haven, L.
- Lefort C.** 1986. *The Political Forms of Modern Society*. — Cambridge (Mass.).
- Liebman C.S., Don-Yihya E.** 1983. *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. — Berkeley, Los Angeles, L.
- Pennock J.R., Chapman J.** (eds.) 1968. *Representation*. — N.Y.
- Pitkin H.F.** 1967. *The Concept of Representation*. — Berkeley.
- Rehfeld A.** 2005. *The Concept of Constituency: Political Representation, Democratic Legitimacy and Institutional Design*. — Cambridge.
- Rehfeld A.** 2006. Towards a General Theory of Political Representation // *The Journal of Politics*. Vol. 68. № 1.
- Santner E.L.** 2012. *The Royal Remains: The People's Two Bodies and the Endgames of Sovereignty*. — Chicago, L.
- Schattschneider E.E.** 1960. *The Semisovereign People*. — N.Y.
- Shapiro I., Stokes S.C., Wood E.J., Kirshner A.S.** (eds.) 2009. *Political Representation*. — Cambridge.

- Shils** E. 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. — Chicago.
- Shils** E. 1988. Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935—1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Smith** A.M. 2003. *Laclau and Mouffe: The Radical Democratic Imaginary*. — L., N.Y.
- Starobinski** J. 1979. *Les emblèmes de la raison*. — P.
- Talmon** J.L. 1952. *The Origins of Totalitarian Democracy*. — L.
- Washington's Farewell Address to the People of the United States**. 106th Congress 2nd Session Senate Document № 106—21. 2000 (<http://www.access.gpo.gov/congress/senate/farewell/sd106-21.pdf>).
- Weed** R., Heyking J. von. (eds.) 2010. *Civil Religion in Political Thought: Its Perennial Questions and Enduring Relevance in North America*. — Washington.
- Wydra** H. 2015. Liminality and Democracy // Horvath A., Thomassen B., Wydra H. (eds.) *Breaking Boundaries: Varieties of Liminality*. — N.Y., Oxford.

References

- Alonso** S., Keane J., Merkel W. (eds.) 2011. *The Future of Representative Democracy*. — Cambridge.
- Amerikanskije federalisty: Hamilton, Madison, Jay: Izbrannye stat'i**. 1990. — N.Y.
- Anderson** B. 2001. *Voobrazhaemye soobshhestva*. — M.
- Ankersmit** F. 2014. *Ehsteticheskaja politika: Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti*. — M.
- Baechler** J. 1994. *Demokratija: Analiticheskij ocherk*. — M.
- Bailyn** B. 2010. *Ideologicheskie istoki Amerikanskoj revoljucii*. — M.
- Balibar** E. 2003. Nacija kak forma: istorija i ideologija // Balibar E., Wallerstein I. *Rasa, nacija, klass: Dvusmyslennye identichnosti*. — M.
- Bart** R. 2004. *Imperija znakov*. — M.
- Beiner** R. 2011. *Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy*. — Cambridge.
- Bellah** R.N. 1967. Civil Religion in America // *Daedalus*. № 96.
- Bellah** R.N. 1992. *The Broken Covenant: American Civil Religion in a Time of Trial*. — Chicago.
- Benveniste** E. 1995. *Slovar' indoevropskikh social'nykh terminov*. — M.
- Berman** H. J. 1999. *Vera i zakon: primirenje prava i religii*. — M.
- Bernhagen** P. 2015. Izmerenie demokratii i demokratizacii // Bernhagen P., Welzel Ch., Inglehart R., Haerpfer Ch. (eds.) *Demokratizacija*. — M.
- Crevelde** M. van. 2006. *Rascvet i upadok gosudarstva*. — M.
- Dahl** R. 2000. *O demokratii*. — M.
- Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskij doklad Fonda ISEhPI i gruppy zarubezhnykh avtorov**. 2015. — M.

- Duverger** M. 2000. *Politicheskie partii*. — M.
- Eco** U. 1995. Ur-Fascism // *The New York Review of Books*. Vol. 42. № 11.
- Eisenstadt** S.N. 1988. Transcendental Vision, Center Formation, and the Role of Intellectuals // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Elshtain** J.B. 2008. *Sovereignty: God, State, and Self*. — N.Y.
- Federalist**: *Politicheskie ehssy A. Hamilton, J. Madison i J. Jay*. 2000. — M.
- Filippov** A.F. 2008. *Sociologija prostranstva*. — SPb.
- Gallie** W.B. 1956. Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56.
- Geertz** C. 1977. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Ben-David J., Clarke T.N. (eds.) *Culture and its Creators: Essays in Honor of Edward Shils*. — Chicago.
- Gierke** O. von. 1960. *Political Theories of the Middle Ages*. — Boston.
- Goldsmith** S. 1993. *Unbuilding Jerusalem: Apocalypse and Romantic Representation*. — Ithaca.
- Greenfeld** L., Martin M. 1998. The Idea of the «Center»: An Introduction // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Held** D. 2014. *Modeli demokratii*. — M.
- Höffe** O. 2015. *Est' li budushhee u demokratii? O sovremennoj politike*. — M.
- Hume** D. 1996. O partijakh vobshhe // Hume D. *Sochinenija: V 2-kh t.* T. 2. — M.
- Hvithamar** A., Warburg M., Jacobsen B.A. (eds.) 2009. *Holy Nations and Global Identities: Civil Religion, Nationalism, and Globalisation*. — Leiden, Boston.
- Ilyin** M.V. 2014. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (I) // *Politeia*. № 4.
- Ilyin** M.V. 2015. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (II) // *Politeia*. № 1.
- Jampol'sky** M.B. 2004. *Fiziologija simvolicheskogo. Kn. I. Vozvrashtshenie Leviafana: Politicheskaja teologija, reprezentacija vlasti i konec Starogo rezhima*. — M.
- Jouvenel** B. de. 2011. *Vlast': Estestvennaja istorija ee vozrastanija*. — M.
- Kaspe** S.I. 2007. *Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma*. — M.
- Kaspe** S.I. 2012a. *Politicheskaja teologija i nation-building: obshhie polozenija, rossijskij sluchaj*. — M.
- Kaspe** S.I. 2012b. O ponjatii politicheskij formy // *Politeia*. № 4.
- Kaspe** S.I. 2014. Opredejaja politicheskoe zlo // *Politeia*. № 3.
- Kaspe** S.I. 2015a. Eshhe o ponjatii politicheskij formy: forma i sub'ekt (Otvét Mikhailu Ilyinu) // *Politeia*. № 2.

- Kaspe** S.I. 2015b. Protiv avtonomnogo sub''ekta: kak nel'zja i kak možno ispravit' političeskuju formu // *Politeia*. № 3.
- Keenan** A. 2003. *Democracy in Question: Democratic Openness in a Time of Political Closure*. — Stanford.
- Knabe** G.S. 1994. Istoricheskoe prostranstvo Drevnego Rima // Knabe G.S. *Materialy k lekcijam po obshhejj teorij kul'tury i kul'ture antichnogo Rima*. — M.
- Lakoff** G., Johnson M. 2004. *Metaforj, kotorymi my zhivem*. — M.
- Laski** H. 2015. *A Grammar of Politics*. — L., N.Y.
- Lasswell** H.D., Kaplan A. 1950. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. — New Haven, L.
- Lefort** C. 1986. *The Political Forms of Modern Society*. — Cambridge (Mass.).
- Lefort** C. 2000. *Političeskie očerki: XIX—XX vv.* — M.
- Legoyda** V.R. 1999. Grazhdanskaja religija SShA: nekotorye simvoly i ritualy // *Politeia*. № 4.
- Liebman** C.S., Don-Yihya E. 1983. *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. — Berkeley, Los Angeles, L.
- Magun** A. 2011. *Edinstvo i odinočestvo: Kurs političeskoff filozoffii Novogo vremeni*. — M.
- Magun** A. 2016. *Demokratija*. — SPb.
- Manent** P. 2004. *Obshhedostupnyjj kurs političeskoff filozoffii*. — M.
- Manin** B. 2008. *Principy predstavitel'nogo pravlenija*. — SPb.
- Manow** Ph. 2014. *V teni korolejj: Političeskaja anatomija demokratičeskogo predstavitel'stva*. — M.
- Maritain** J. 2000. *Čelovek i gosudarstvo*. — M.
- Neustadt** R. 1997. *Prezidentskaja vlast' i nyneshnie prezidenty*. — M.
- North** D. 1997. *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie ehkonomiki*. — M.
- Pennock** J.R., Chapman J. (eds.) 1968. *Representation*. — N.Y.
- Pitkin** H.F. 1967. *The Concept of Representation*. — Berkeley.
- Rancière** J. 2006. *Na kraju političeskogo*. — M.
- Rehfeld** A. 2005. *The Concept of Constituency: Political Representation, Democratic Legitimacy and Institutional Design*. — Cambridge.
- Rehfeld** A. 2006. Towards a General Theory of Political Representation // *The Journal of Politics*. Vol. 68. № 1.
- Rousseau** J.-J. O političeskoff ehkonomii // Rousseau J.—J. *Ob obshhestvennom dogovore: Traktaty*. — M.
- Rosanvallon** P. 2015. *Demokratičeskaja legitimnost': Bespristrastnost', reflektivnost', blizost'*. — M.
- Salmin** A.M. 2008. Nasledie A. de Tocqueville i sovremennaja političeskaja tradicija Zapada // Salmin A.M. *Šest' portretov*. — M.
- Santner** E.L. 2012. *The Royal Remains: The People's Two Bodies and the Endgames of Sovereignty*. — Chicago, L.

- Sartori J.** 2003. Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii // *Polis*. № 3—5.
- Schattschneider E.E.** 1960. *The Semisovereign People*. — N.Y.
- Shapiro I., Stokes S.C., Wood E.J., Kirshner A.S.** (eds.) 2009. *Political Representation*. — Cambridge.
- Shils E.** 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. — Chicago.
- Shils E.** 1988. Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935—1987 // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Smith A.M.** 2003. *Laclau and Mouffe: The Radical Democratic Imaginary*. — L., N.Y.
- Starobinski J.** 1979. *Les emblèmes de la raison*. — P.
- Schmitt C.** 1992. Ponjatie politicheskogo // *Voprosy sociologii*. T. 1. № 1
- Talmon J.L.** 1952. *The Origins of Totalitarian Democracy*. — L.
- Tocqueville A. de.** 2000. *Demokratija v Amerike*. — M.
- Walzer M.** 2000. *O terpimosti*. — M.
- Washington's Farewell Address to the People of the United States.** 106th Congress 2nd Session Senate Document № 106—21. 2000 (<http://www.access.gpo.gov/congress/senate/farewell/sd106-21.pdf>).
- Weed R., Heyking J. von.** (eds.) 2010. *Civil Religion in Political Thought: Its Perennial Questions and Enduring Relevance in North America*. — Washington.
- Wydra H.** 2015. Liminality and Democracy // Horvath A., Thomassen B., Wydra H. (eds.) *Breaking Boundaries: Varieties of Liminality*. — N.Y., Oxford.